

Урожайный Детский

Татьяна Луталова

МЗВЕРГ МОЕГО РОМАНА

Иронический детектив (АСТ)

Татьяна Луганцева

Изверг моего романа

«АСТ»

2013

УДК 821.161.131
ББК 84(2Рос=Рус)644

Луганцева Т. И.

Изверг моего романа / Т. И. Луганцева — «АСТ»,
2013 — (Иронический детектив (АСТ))

Старинные городские особняки – замечательное место для ночных тусовок выходцев с того света, угрюмых привидений, при жизни запятнавших себя страшными злодеяниями, проклятых и обреченных на вечные мучительные терзания. В это свято уверовала бойкая девушка Серафима, трудившаяся на ниве библиотечного дела именно в таком полуразвалившемся особняке, в котором находилось пыльное книгохранилище. Да и как не поверить в мистику – только она пригласит очередного кавалера на свидание в укромный уголок за книжными стеллажами, как на следующий день незадачливого любовника находят в читальном зале убитым. Впору девушке забыть о любовных приключениях и уйти, как говорится, в монастырь, но Серафима решает сама разобраться с таинственным призраком-убийцей. Книга также выходила под названием «Мороженое для горячей штучки».

УДК 821.161.131
ББК 84(2Рос=Рус)644

© Луганцева Т. И., 2013
© АСТ, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	21
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Татьяна Луганцева

Изверг моего романа

© Т. И. Луганцева, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Глава 1

Серафима Игоревна Барская всю жизнь свою работала в библиотеке, что уже само по себе вызывало уважение, но не было престижно.

Воспитывала ее бабушка, Светлана Тихоновна, которая одновременно потеряла и сына, и невестку. Других родственников у старушки, кроме Симы, не осталось, поэтому всю свою любовь и всё свое внимание она сконцентрировала на внучке, единственной своей кровиночке. Это излишнее внимание и сгубило девочку! Бабушка не отпускала ее от себя ни на шаг. Сима не посещала детский садик, бабушка не могла доверить свое дитячко чужим, плохим тёткам, да и дети могли обидеть ее «конфетку». На улицу бабуля выводила свою внученьку тоже крайне редко. Слишком яркое солнце – вредно! Напечет головку, будет солнечный удар! Кожа обгорит, болеть будет. Солнышко скрылось – тоже плохо! Становится прохладно, можно простудиться. Игрушки необходимо часто мыть с мылом и протирать спиртом или водкой для дезинфекции. Книжки читать каждый день для развития, но на расстоянии локтя и с освещением слева – про ее красивые глазки бабушка не забывала. Спать следовало ложиться ровно в девять часов вечера, хочешь ты этого или нет, а вставать в семь утра и начинать день с зарядки и холодного обливания – заряжаться энергией джи или джу... Закаливание – лучшее средство от простуд. Бабушка годами приучала внучку к закаливанию, понижая температуру воды на один градус в три месяца. Все подружки Серафимы проходили фейсконтроль перед строгим оком ее бабушки. И никто контроль так и не прошел.

– У этой девочки родители нехорошие, пьющие, – заявляла Светлана Тихоновна.

– Но она сама-то не пьет! При чем тут ее родители? – возразила Сима.

– Еще бы она пила! Ты, как я вижу, дерзишь мне? Запомни, я для тебя – всё, и ты для меня тоже, и никто чужой нам не нужен! Мы – это мы! У нас больше никого нет! В проблемной семье не может быть хорошего воспитания, и что вырастет из этой девочки? Она научит тебя только плохому, а я уже немолода, могу и не уследить!

– Чему «плохому», бабушка? Что ты преувеличиваешь? Ты ее не знаешь, а уже думаешь бог знает что... – Внучка отчаянно пыталась отстоять свое право на общение со сверстниками.

– Она научит тебя ругаться, курить и, не приведи господи, думать о мальчиках! – с металлом в голосе отвечала Светлана Тихоновна.

Симе оставалось только молча глотать слезы.

С ранних лет ей вдалбливали в голову, что мальчики – самые страшные и коварные существа – они, о ужас! в будущем превращаются просто в чудовищ, то есть в мужчин! А мужчина уже отождествлялся со всеми пороками. Они курили, пили и от женщин требовали только секса. Они хуже животных, и, разумеется, надо было держаться от них подальше. Эти похотливые самцы подстерегали Симу на каждом шагу.

– А с Катей можно дружить? – спрашивала уже со слезами на глазах Серафима, которой просто не хватало девчачьего, подросткового общения.

– Катя? Кто у нас Катя? Это та в короткой юбке, думающая уже о мальчиках?

– Нет, она...

– А! Я вспомнила! Это та девочка, которую ругали на родительском собрании за то, что она красит ресницы и громко хохочет? Это в таком-то возрасте! Она зачем так поступает? Чтобы нравиться мальчикам? Вырастет, станет гулящей девкой! Обычно так и начинается!

– Нет, бабушка! Катя у нас новенькая. Она дочка учительницы по русскому и литературе! Очень хорошая девочка! – настаивала Сима.

Светлана Тихоновна недовольно поджимала губы. По всему выходило, что ей перечить – себе дороже. Дать бы волю Светлане Тихоновне, она бы с удовольствием закрыла

свою внучку в четырех стенах на ключ. Но тогда бы к ней в дом пришли сотрудники соответствующих органов и поинтересовались бы: почему девочка не ходит в школу? Поэтому в эту «обитель невежества и разврата» Светлана Тихоновна была вынуждена отпускать внучку. Она каждый день отводила Симу в школу и каждый день встречала ее, невзирая на подростковый возраст девочки. Ребята в классе смеялись над Серафимой, но это ничего не меняло.

– Бабушка, я тебя умоляю! Не подходи к школе, я приду сама! Да и ты отдохнешь! У нас все ходят в школу сами! – молила Серафима.

– Ты как со мной разговариваешь? Я отдала тебе лучшие годы! Мне совершенно всё равно, как к этому относятся окружающие, и отдыхать мне не хочется! Ты – единственная, кто у меня остался, и я тебя сохраню, нравится тебе это или нет! Я тебя сберегу, и ты должна радоваться, что у тебя такая заботливая бабушка, а не стыдиться меня. Или ты хочешь гулять с мальчиками после школы, чтобы я не узнала? Чтобы заразиться от них или забеременеть?

– Нет, бабушка... – впадала в оцепенение внучка.

– А я вот вижу, что да! Ты вознамерилась опозорить меня и загнать в могилу!

– Я не хочу, бабуля, – рыдала Серафима, но лекции и нотации не прекращались еще часа три.

Девочке не разрешалось приглашать детей на день рождения, потому что праздники расхолаживают и выбивают из «колеи послушания» и на них могут прийти нежелательные мальчишки. Когда Серафима однажды дала свой домашний номер телефона однокласснику, который ей нравился, и он позвонил ей, естественно, нарвавшись на Светлану Тихоновну, девочка в первый раз была бита ремнем. С бабушкой чуть удар не случился.

– Этого не может быть! Это – конец! Ужас! Вот и дождалась я позора! – махала она ремнем. – Тебе всего пятнадцать, а мальчишки уже телефон обрывают! За что мне такое наказание! Моя внучка будет проституткой! Вот тебе! Вот! Будешь знать, как себя вести! – ярилась злобная старуха.

Серафима вырвалась, забилась в угол, рыдая в голос. Она ощущала себя кругом виноватой, плохой, порочной и, самое главное, униженной.

Ну а когда Светлана Тихоновна увидела, что ее внученька из девочки-подростка превращается в прелестную девушку, у нее совсем стало плохо с головой. Она буквально «пасла» Симу, не давая той расслабиться. Следила за ее прической, одеждой, жестами и поведением. Разумеется, прическа допускалась одна – коса, одежда – длинная юбка и кофта с рукавами, поведение – потупленные глаза, чтобы не видеть «похотливых взглядов мужчин». Естественно, что при такой жизни, чтобы не соскочить с ума, Серафима нашла себе единственных друзей – книги. Когда она, уютно устроившись на диване под пледом, глотала их «от корки до «корки», испытывала и радость, и удовольствие – чувства, которых в реальной жизни не находила. Она познавала жизнь через книжные страницы, читала с упоением и всё свое свободное время проводила за книжками. Это было единственное занятие, которое ей без ворчания и нотаций разрешала не совсем адекватная бабка.

В детстве Серафима до конца не понимала, что с ее психикой и вообще жизнью делала Светлана Тихоновна. Она и потом ее не осуждала. То, что у бабушки крыша поехала после потери сына, это и так было понятно. Но сил сопротивляться бабке, обожающей ее до судорог, у Симы не было.

Из всех девочек Симе было разрешено общаться лишь с Катей Рыжовой, и то только потому, что ее мама учительница. Катя, по просьбе Серафимы, тоже надевала длинную юбку и заплетала волосы, когда у нее было опасение наткнуться на шизанутую старуху. Конечно, Катя могла и не обращать на бабку внимания, но она очень любила Симу и хотела с ней дружить, ее чувства к подруге были искренними. Серафима очень редко приходила к Кате, потому что ее вообще не часто отпускали из дома. Она с интересом наблюдала за отношени-

ями Кати с матерью – еще молодой женщиной Анной Григорьевной Рыжовой. Отец у Кати погиб, когда та была совсем крошкой. Катя и ее мама были жизнерадостные, улыбчивые, рыжеволосые, кудрявые и с курносими, веснушчатыми носами. Общались они словно две лучшие подружки, обе любили покрутиться перед зеркалом, обожали наряды, и Анна Григорьевна даже собственноручно могла покрасить дочке ресницы. Она отпускала ее на дискотеки, школьные вечера и на прогулку в парк с подружками.

Серафима о такой жизни даже и не мечтала, она наблюдала за ними с трепетом в душе и, конечно, с тайным желанием, чтобы и у нее было так же. Учительница, конечно, сразу заметила невероятную скованность в поведении Симы и пыталась хоть как-то ее вывести на откровенный разговор, но всё было тщетно. Девочка просто шарахалась от предложений сходить всем вместе в кафешку или сменить прическу, почувствовать себя девушкой. В то же время стоящая на страже добродетели внучки Светлана Тихоновна заметила изменение в поведении Симы – она повеселела, зарумянилась. Старуха связала это с появлением тайного поклонника и заскрежетала зубами. Она запретила Симе ходить к Екатерине. Тут внучка взбунтовалась первый раз – она не хотела терять единственную подругу. Серафима совершила невозможный для нее поступок – сбежала из дома к Анне Григорьевне и Кате.

Светлана Тихоновна обратилась за помощью в полицию, чтобы «вернуть беглянку», и написала в школу порочащее молодого педагога Рыжову письмо. Она обвинила ее в совращении малолетних, в том, что та заводит отношения с учениками не только педагогического свойства, что устроила дома вертеп, что она развращает ее внучку. Конечно, такой сигнал не оставили без внимания, но Анна Григорьевна оказалась не так проста. Она даже обрадовалась, что обстановка в семье Серафимы вышла на всеобщее обсуждение. И уж она, как здравый и грамотный человек, подготовилась ко всем проверкам с любой стороны. Мало того, Анна Григорьевна отвела Серафиму к психотерапевту на обследование и тестирование и предъявила неопровержимые доказательства того, что девочка воспитывалась настоящим деспотом, что у нее подавлена воля, она полна страхов, комплексов, что к ней применялось и физическое насилие, и очень длительное время тяжелое, подавляющее психологическое воздействие. Учителя все как один встали на защиту Анны Григорьевны, охарактеризовав ее как порядочного педагога. А вот соседи Серафимы не одобрили действия Светланы Тихоновны.

– Симочка – девочка очень хорошая, умная, вежливая, ведет себя тихо. Даже очень тихо. А вот бабушка ее... Всё ворчит и ворчит, пилит ее и пилит. Из дома девочку совсем не отпускает, в гости к ним никто не ходит. В общем, жалко девчонку. Ни отца, ни матери, заступиться-то некому! Ходит с потухшими глазами и опущенными плечами.

И тут сложилась очень интересная ситуация. Светлану Тихоновну обвинили в плохом воспитании и пригрозили привлечь к ответственности, лишиться опеки. Серафиме к тому времени исполнилось пятнадцать лет, и она имела право выбирать, с кем ей жить. Для начала ей было предложено перейти в интернат. Анна Григорьевна сказала, что девочка может жить в ее семье, тем более что Сима дружит с ее дочерью. И тогда Светлана Тихоновна серьезно занервничала. Она испугалась, что может лишиться своей внучки и в принципе – смысла жизни. И она пошла на попятную. Слезно пообещала, что пересмотрит свое отношение к внучке и разрешит девочке видеться с друзьями, а также посещать кружки, о которых Серафима давно мечтала.

Сима не смогла бросить бабушку и, конечно, осталась с ней. Она все же была покорной и доброй девочкой. Бабушка теперь боялась бить ее, обзывать дрянными словами, решила ходить к подружке, приняла даже Катю у себя и согласилась на кружок рисования. Такая, пусть и маленькая, победа принесла радость в жизнь Симы. Конечно, личность Серафимы уже было не изменить. Она была крайне застенчива, скромна. Но люди, с которыми она общалась, понимали, насколько она умная, чуткая и интересная. Жалко, что этих людей

было очень мало, так как Сима вела замкнутый образ жизни. Зато она обладала богатейшим внутренним миром. Самыми близкими для Серафимы так и остались книжки. Она перечитала гору русской и зарубежной классики, не брезговала и современными, модными авторами. Серафима прекрасно рисовала и увлекалась фотографией.

Училась Серафима отлично по гуманитарным наукам и не очень хорошо по математическим дисциплинам. А вот у ее подружки Кати все было наоборот, ее мама даже удивлялась:

– Я учительница русского языка и литературы, а моей дочери еле-еле натягивают в четверти по этим предметам четыре, а то и три. Позор! Зато по математике и физике отлично! Просто ума не приложу как такое возможно?

А вот с Серафимой они находились на одной волне, Анна Григорьевна советовала ей, что читать, обсуждали то или иное произведение. Своей дочери Анна Григорьевна ставила Симу в пример.

– Потрясающая девочка, с богатейшим внутренним миром! Не то, что ты – стрекоза!

– Мне она тоже нравится! Поэтому и дружу с Симкой! – отвечала Катя и бежала на дискотеку с другими девчонками, потому что вот в этом Серафима ее не поддерживала, ей это было совершенно не интересно, она даже боялась таких мероприятий из-за большого скопления народа.

На выпускной бал Серафима не пошла, сообщив, что заболела. На самом деле на пенсию бабушки они не смогли приобрести достойное платье, да и сдать деньги на торжество у них тоже не было возможности. А попросить займы Серафима никогда бы не осмелилась. Так она осталась без выпускного бала. А вот мама Кати долго себе простить потом не могла, что упустила этот момент, что вовремя не прочувствовала истинную причину отказа Симы от такого важного мероприятия в жизни каждой девушки. Она должна была помочь ей в этом! Но Сима была очень гордой.

Серафима поступила на факультет журналистики, но с обучением у нее возникли сложности. Что касалось теоретической части, здесь все было отлично. А как доходило дело до практики, так от Симы не было никакого толку. Она не могла подойти к человеку, не способна была взять интервью. Преподаватель бился с ней, бился, но ни к чему не пришел.

– Ты такая умная! Ты – просто кладезь знаний! Но у тебя какая-то социофобия! Тебе или к специалисту идти надо, к психотерапевту, и лечиться от своей стеснительности, или менять профессию. Работы, требующей более обширного общения с людьми, чем журналистика, – нет! Журналист должен быть психологом! Знать и понимать людей! Надо не только суметь грамотно подойти к человеку, расположить к себе, вызвать доверие, но и суметь буквально влезть в душу! Это понятно? Тебя будут посылать подальше, унижать, отпихивать, а ты должна преследовать человека и добиваться своего! А ты поздороваться и улыбнуться не можешь! Ты профнепригодна! Так нельзя! Ты девка умная и эрудированная, но беспомощная, словно улитка, вытащенная из раковины! Учись держать удар и общению с людьми! Иначе, дорогая, дело не пойдет.

Но за пять лет учебы мало что изменилось. Серафима к концу обучения поняла, что журналистка из нее никакая. И вот, имея хорошее образование, Сима пошла работать в библиотеку младшим библиотекарем, дослужилась до старшего, а это плюс пять тысяч к зарплате... Плюс крошечная дотация. Это крохи для Москвы. Да что там говорить! Жила Серафима очень бедно, но на вопрос, как на такую зарплату можно прожить, она пожимала плечами и отвечала, что можно.

Конечно, она на всем экономила. Одежду Сима вообще редко себе приобретала, и то по острой необходимости, на дешевых рынках, в недорогих магазинах на распродажах, пытаясь придерживаться строгого, классического стиля, чтобы не выглядеть совсем уж бомжихой. Например, зимой в моде высокие сапоги с мехом, и стоят они в начале сезона очень дорого, Серафима не могла их себе позволить. В конце зимы сапоги стоят уже на порядок

дешевле. Сима их покупала, но надеть эти сапоги могла лишь на следующий год, а тогда в моду входили угги или какие-нибудь короткие сапожки на платформе. Замкнутый круг... Серафима любила простые, неяркие, удобные вещи, это было в ее вкусе. Питалась она тоже скромно, покупала недорогие продукты в магазинах эконом-класса. Если и брала мясо, то варила суп сразу на три-четыре дня. Конечно, деликатесы в виде икры, ананасов и рябчиков были не для нее, как и для многих работающих россиян вкупе с одинокими пенсионерами. В ресторанах Серафима не бывала, в кино не заглядывала, правда, пару раз посещала кафе и «Макдоналдс». Но она никогда не жаловалась.

Книги в наше время – дорогое удовольствие, но Сима работала в библиотеке и, пользуясь служебным положением, брала книжки, иногда раритетные и очень умные, на дом.

К слову сказать, бабушка Симы умерла, еще когда та училась на третьем курсе института. Серафима осталась одна в малогабаритной двухкомнатной квартире, в пятиэтажной хрущёвке. Ее дружба с Катей и ее мамой никогда не прерывалась. После смерти бабушки они предложили Симе помощь и даже приглашали жить к себе, чтобы она не оставалась одна. Но Сима выбрала свободу.

Катя пошла по стопам Анны Григорьевны – училась в педагогическом вузе, чтобы тоже стать педагогом. Но вот предмет она выбрала тот, который обожала, – математику. И уже на четвертом курсе она выскочила замуж за своего же преподавателя. И тут Сима предложила молодым пожить у нее в квартире, а сама переехала к Анне Григорьевне. У Екатерины в скором времени еще и дочка родилась, а вот Серафима так и не вышла замуж, что было закономерно, зная ее нелюдимый характер. И ведь нельзя сказать, что за всю ее жизнь мужчины не обращали внимания на ее прелестное личико и большие светлые холодноватые глаза. И фигурка у нее была что надо – приодеться и цены бы Серафиме не было! Светло-пепельные волосы она собирала в конский хвост и подчеркивала тонкую талию узким ремешком.

От мужчин она шарахалась, как от чумы, сразу зажималась и закрывалась, как черепаха пряталась в панцирь недоверия. Причем дружить дружила, но не дай бог дружеским отношениям перейти в легкий флирт – она тут же исчезала с горизонта мужчины как пушинка одуванчика под легким ветерком.

Анна Григорьевна не раз заводила с ней откровенный разговор об отношениях мужчины и женщины, но всякий раз Сима пыталась улизнуть от него в сторону и пробиться к ней в этом вопросе просто не представлялось возможным, ведь ей с детства внушали, что мужчины все как один – уроды.

– Послушай, Симка, – настаивала Анна Григорьевна, – посмотри на себя, ты же прелесть! Пора замуж выходить, рожать детей, в этом наше женское счастье. Это же совершенно нормально! Вот моя Катя уже давно свила семейное гнездо. Молодец! Бери пример с подруги, ведь жить будет гораздо легче и материально, и морально!

– Да мне и сейчас хорошо, – отвечала Сима, переводя неудобный разговор в шутку. – Или вы, Анна Григорьевна, избавиться от меня хотите?

– Конечно, нет! Я просто счастлива, что живу с тобой, но у каждой женщины должна быть семья! Должна! Ты же хочешь детей?

– Детей хочу... – улыбнулась Сима, – но без мужа это невозможно. А с этим у меня проблемы.

– Так надо искать себе спутника жизни, а не сидеть на месте. Под лежащий камень, как говорится, вода не течет. Само не придет и в руки не упадет. Надо же знакомиться, искать! Хорошие мужики на дороге не валяются!

– А в других местах валяются? – спросила Серафима.

Анна Григорьевна посмотрела на нее и вздохнула.

– Всё шутишь? Действительно, где? Тебе лучше не знакомиться на улице, в Интернете... Ты такая наивная и глупая, тебя любой вокруг пальца обведет. Ты просто находка для аферистов и мошенников!

– Я слышала о том, что иногда мужчины обманывают богатых женщин, живут за их счет. Альфонсы. Но я не думаю, что эта категория мужчин заинтересуется мной, – улыбнулась Сима. – Чего мне бояться?

– А ты думаешь, что только богатые в группе риска? А твоя квартира? Прописка? Думаешь, мало найдется охотников оттяпать у тебя жилплощадь? Только свистни – набегут целой толпой. Квартира – это всегда капитал. На твою зарплату не разгуляешься, это точно.

– Зарплата у меня классная! – продолжала веселиться Серафима. – На то мы и интеллигенция, чтобы затянуть пояса потуже и интеллигентно вздыхать дальше.

– Мошь белая! Это про нас!

– Мышь серая! А насчет того, чтобы стать матерью... – задумалась Серафима, – так какая из меня мать? Что я могу дать сыну?

Анна Григорьевна удивленно уставилась на Серафиму.

– Почему «сыну»? Может, у тебя родилась бы дочка?

– Не знаю... Вырвалось как-то... Когда я думаю о детях, то представляю мальчика, маленького такого, светленького. Но... Без отца мальчишке никак нельзя. А может, я опять ищу отговорки, лишь бы оправдывать и дальше свое одиночество и спокойствие.

– Что может дать мать своему ребенку, знаешь? Любовь! Заботу! Свой ум, свой взгляд на жизнь. Ты – глубокий и цельный человек! Тебе есть что сказать, есть что дать.

– Сейчас, Анна Григорьевна, такая жизнь у нас, что я со своими взглядами могу только работать в библиотеке или пугалом на огороде стоять. Я ведь не нужна никому. Я ведь даже памперсы не смогу малышу купить, а еще питание, одежда, игрушки. Сейчас всё так дорого. У других детей будут компьютеры, дорогие игрушки. А у моего что? Нет, это невозможно! Я-то взрослая женщина, всё понимаю, а за ребенка сердце будет кровью обливаться. На пособие, что мне выплатят, можно на почте три конверта купить, а в школу сейчас ребенка собрать – легче застрелиться. Мы в свое время образование бесплатное успели получить, и не самое плохое. А теперь за всё плати, а если денег нет, то и суда нет. Иди улицы подметать и кошек с асфальта соскребать, да и там, знаете ли, конкуренция. Рождение ребенка – это большая ответственность, тем более мне за тридцать уже. И если не можешь обеспечить его на первых порах жизни, то лучше и не затеваться, – сказала Серафима с горечью.

Было понятно, что она думала о ребенке, и не раз.

– Ты кое-что забыла, – сказала Анна Григорьевна.

– Что именно?

– У ребенка спросить, то есть у твоего гипотетического сына, хочет он родиться в бедности или совсем не хочет появляться на свет? И ведь не спросишь, пока не родишь и не вырастишь, – сказала Анна Григорьевна и многозначительно посмотрела на Серафиму.

И той ответить было нечего. Совсем нечего. Ведь дороже жизни ничего нет.

– И всё-таки...

– Сима, а почему ты не берешь в расчет отца ребенка? Он на что? Пусть помогает, содержит!

– Какой отец? Кому я нужна?

Услышав это признание, Анна Григорьевна ужаснулась, поняв, насколько занижена самооценка у Симы.

Тогда-то она и задумалась о том, как помочь ей устроить личную жизнь. И они с Катей принялись за реализацию проекта. И вот за первого же нарисовавшегося на горизонте жениха Серафиму и выдали замуж. Им оказался Анатолий Павлович Морозов, учитель гео-

графии. Мужчина приятной наружности и такой же скромный, как Сима. Через два года они так же мирно разошлись, мирно, то есть тихо, как и жили.

– Я не поняла, а что это было? – спросила Серафиму Анна Григорьевна.

– В смысле? – поинтересовалась Сима.

– Твое замужество! Толя – хороший человек, порядочный, ты – не хуже! Так в чем дело? Почему развод? Такая свадьба, такие надежды! Вы замечательно подходите друг к другу. Мы радовались за вас! Испокон века порядочные мужики – редкость. Большая удача, что вы нашли друг друга. И ведь главное – никаких скандалов, зачем расходиться-то? – Анна Григорьевна не находила ответа на свои вопросы.

И ее можно было понять. Потому что найти человека под стать Серафиме было очень трудно. И уж если удалось, надо было петь «Аллилуйя» каждый день. А они – развод!

– Мы разные, – сказала Сима.

– Да что ты? А со стороны кажется, что абсолютно идентичные! – парировала Анна Григорьевна. – Это не похоже на тебя, Сима! Вы поженились, у вас семья, и ее надо сохранять! Тебе рожать нужно!

– Вот с этим как раз проблемы, – отвела глаза Серафима.

– Может, откроешь секрет?

– Мы не спим вместе.

– Как не спите? Совсем? – удивилась Анна Григорьевна.

– Фактически... Как-то это... И я не хочу, да и Толя не очень хочет. Мне даже лучше, если он ко мне не пристает. Спокойнее. Нет, я даже нервничаю, если он начинает намекать... Я не могу жить с ним как с мужчиной.

– О господи! Ну, это меняет дело... Не ожидала от Анатолия Павловича такого. Тебе нормальный мужчина нужен, а не размазня! – поджала губы Анна Григорьевна.

Это была единственная неудачная попытка Серафимы наладить личную жизнь и создать семью. Больше к этому вопросу она не возвращалась, решив, что семейное счастье не для нее.

– Мне вполне хватает быть крестной мамой для дочурки Кати, – говорила Сима.

И на самом деле она проводила много времени и дарила любовь своей крестнице, маленькой девочке, дочке подруги.

Глава 2

Серафима была пунктуальным человеком, никогда никуда не опаздывала, никого не заставляла ждать, вот и на работу она всегда приходила в числе первых. Кстати, хотя Серафиме было уже за тридцать, она была самой молодой в коллективе городской библиотеки номер восемь.

Коллектив был маленьким и с каждым годом всё уменьшался. Здание библиотеки представляло историческую ценность. Этот особняк до революции 1917 года принадлежал Сергею Ивановичу Муравьеву-Апостолу, подполковнику, одному из предводителей движения декабристов. Муравьева-Апостола казнили на рассвете 13 июля 1826 года в Петропавловской крепости. Был он одним из трёх повешенных, чья веревка оборвалась. Спустя некоторое время его повесили повторно.

Особняк раньше располагался в красивом ухоженном парке с фонтанами и аллеями. Но это было до большевиков. Что только в этом здании не находилось: и Комитет бедноты – орган Советской власти в годы «военного коммунизма», и отдел по ликвидации безграмотности, и Совет рабочих и солдатских депутатов. Какое-то время в здании даже была районная управа, потом ютились разные фирмы-однодневки. Когда здание стало постепенно разрушаться, там разместили пансионат для ветеранов, а затем, когда крыша окончательно прохудилась, полы провалились, а батареи лопнули, отдали дом библиотеке, которая до этого теснилась в сыром подвальном помещении, где книгами и журналами активно питались наглые мыши и крысы, которых робкие библиотекари боялись до одури.

На ремонт архитектурного памятника городскими властями была выделена приличная сумма, которая мгновенно куда-то исчезла. Библиотеке не досталось ни копейки. Директор библиотеки Алла Давыдовна Соломина, невысокая дамочка с высоко взбитыми седыми волосами, попробовала было разобраться и понять, куда делись деньги, но получила жёсткую отповедь и совет не совать нос не в свои дела, а также рекомендацию осуществить ремонт здания своими силами или переезжать обратно в подвал к соскучившимся по библиотечаршам крысам. Также госпоже Соломиной намекнули, что, если она начнет бегать по инстанциям и жаловаться, ее контору быстренько прикроют.

Алла Давыдовна была женщина умная, на рожон она не полезла. Директриса созвала собрание и толкнула речь:

– Дорогие мои коллеги! Наш коллектив попал в очень щекотливую ситуацию. Чтобы не тянуть кота за хвост, скажу сразу – денег на ремонт здания нам не видать как своих ушей. Да, все мы видим, что фасад здания обваливается, стены разъедает грибок, по фундаменту пошли трещины. Внутри особняка сырость и запустение, трубы холодные, туалеты почти не работают. Короче, кошмар! Но надо что-то делать. Я обещаю вам, что из кожи вылезу, но постараюсь найти спонсоров и привести здание в надлежащий вид. Потерпите, родные мои!

– Мы-то потерпим! Книжки жалко! – загалдели наперебой сотрудницы.

– Издания отсырели, страницы слипаются, – подала голос сотрудница научного отдела Зинаида Сергеевна Удальцова. – Читатели кашляют. Туберкулезом скоро все тут заболеем...

– Я видела таракана и в коридоре мышь встретила, – заметила сотрудница в вытянутой вязаной кофте.

– А я болеть не желаю! – крикнула Серафима. – Не хочу плесневеть! И так сидим, солнце не видим...

– Сразу скажу – жаловаться я не могу, – прервала ее директриса. – Запретили. Если признают помещение негодным, то нас всех выгонят к чертовой матери, а другого помещения нам не дадут, это точно. Книжки отправят на склад или в другую библиотеку, а нас всех – на улицу. Идите, господа, в службу занятости, трудоустраивайтесь сами как умеете. А что

мы умеем? Всю жизнь при библиотечных полках, опыт огромный, но и средний возраст сотрудников тоже за шестьдесят. Хочу подчеркнуть – место здесь особенное! Такой особняк! Это же красота неопиcуемая – колонны, лепнина... А парк! Пусть и запущенный, но он же великолепен! Можно поставить скамейки и выходить подышать в обеденный перерыв.

– Да у меня читатели в хорошую погоду выходят из читального зала и прогуливаются под сенью вековых лип и дубов. Говорят, что им там лучше думается, да и глаза отдыхают... – встряла сотрудница читального зала Ольга Васильевна.

– Вот нас прикроют, и ваши читатели больше могут не заботиться о своем зрении. Читать будут меньше... И дышать свежим воздухом больше... – съехидничала Серафима.

Сотрудницы прыснули от смеха.

– Я смотрю, Сима, ты у нас в хорошем настроении? Это похвально! Ты из нас самая молодая, вот мы тебе и поручим одно ответственное дельце, – обрадовалась директриса.

Ольга Васильевна показала Серафиме язык, это означало, что она, Сима, молодая и безмозглая – сама нарвалась.

– Какое дело? – спросила Серафима, несколько поумерив пыл.

– Вот только не говори, что загружена дома и на работе! Детей у тебя нет, на работе мы все дружно ковыряем в носу или гоняем мух! Особо-то не рвется никто в библиотеку! Поэтому мы свободны для прогресса.

Слово «прогресс» на Серафиму производило весьма пугающее впечатление, оно было ей абсолютно чуждо, ассоциировалось с полетами в космос и ударными стройками. Директриса окинула строгим взглядом собравшихся дам преклонного возраста и Серафиму – «молодуху» на четвертом десятке, и произнесла почти замогильным тоном:

– Наука не стоит на месте, а шагает семимильными шагами. Наша задача, дорогие мои, не отставать от новых веяний и внедрять новые технологии в рабочий процесс. Вы понимаете, о чем я говорю? Нет? Скажу яснее – пора учиться работать на компьютере. У нас с этим – труба. Поднимите руки, кто знает компьютерную грамоту... Та-ак... Я не ошиблась, два человека. Всё, пора браться за ум. Каталогные ящики, картонные карточки, пишущие машинки, документы под копирку, требования от руки... Да что перечислять, у нас даже приличного ксерокса нет, я уж не говорю о факсе. Пора осваивать Всемирную паутину!

– Кого? Какая такая паутина? – встрепелась Мила Львовна, пожилая гардеробщица, мирно дремавшая в уголке. – Неправда! Девочки хорошо убираются, и никакой паутины у нас нет! Сами посмотрите, стерильно, как в операционной!

– В операционной мыши под ногами не шмыгают, – заметила Серафима.

– Тише! – качнула седой головой Алла Давыдовна. – Я про Всемирную паутину! Знаете, что такое Интернет?

– Всемирную? – окончательно проснулась Мила Львовна. – А что случилось-то? Нашествие пауков? Что произошло? К тараканам, крысам и мышам еще и пауки? Вот ведь напасть! – забеспокоилась пожилая женщина, и ее можно было понять, нашествие пауков – это реально космическая угроза землянам.

И вот тогда директриса схватила за голову.

– За что мне это? Что делать? А ты, Серафима, тоже не знаешь, что такое Интернет? Ты же молодая... еще!

– Слышала... – туманно ответила Сима, почуявшая неладное. От нехорошего предчувствия у нее даже ладони вспотели. С компьютером она была незнакома и знакомиться до сего момента не собиралась.

– Ты хоть слышала! Уже хорошо! Согласна? – с радостью выдохнула директриса.

– Вы не темните... – попросила Сима. – Давайте уж как на духу.

– Все наши бумаги пора переводить в электронный вид. Не смотрите на меня так! Я сама не знаю, как все это будет выглядеть, но нам обещали установить компьютеры, и специальный человек должен обучить весь коллектив.

– Компьютеры? – пронеслось по комнате. – За что? – Именно так сотрудницы расценили эту напасть, не иначе.

– Тихо! Только не говорите, что вы не сможете научиться! Это не моя прихоть, нас обязали, да я и сама думаю, что давно пора. Конечно, я пыталась донести до руководства, что средний возраст моих сотрудниц шестьдесят пять лет и как-то поздновато, может быть, вникать им в эти тонкости технического прогресса. Но условия для всех одинаковые, а на мой «мышинный писк», что молодежь к нам не идет работать, только пожали плечами, мол, это наши проблемы – прощайтесь со старым коллективом, набирайте новых сотрудников. Если молодежь не идет к вам, то закрывайте лавочку или объединяйтесь с библиотекой, оснащенной новой техникой. Скоро все бумажные книги переведут в электронный формат.

– А как же читать? – спросила неугомонная уборщица, облизывая сухие губы.

Директриса тяжело вздохнула и промолчала.

– А куда денут бумажные книги? – изумилась Серафима. – Сожгут, как при инквизиции?

– Я не знаю, об этом рано говорить. Я, если честно, душой с вами и далеко не всё поняла, что начальство пыталось мне втолковать. Короче, если хотим сохранить наш дружный коллектив и работать в этом особняке – должны освоить компьютер. И надежда на это – наша самая молодая сотрудница Серафима Игоревна!

Все взоры обратились на Симу, а у той даже сердце заняло от свалившейся на нее ответственности. Как-то не тянуло ее к технике никогда, если честно.

– Я постараюсь, конечно, ради вас всех, но ничего обещать не могу, – честно ответила она.

– Мы верим в тебя! – сказала Зинаида Сергеевна.

Еще недавно в ее научном зале было хоть какое-то оживление. Читатели собирали материал для дипломов, научных работ, диссертаций, книг. Но с появлением Интернета, дающего ответ на любой вопрос, посетителей в научном зале Зинаиды Сергеевны заметно поубавилось.

Зато в отделе художественной литературы, где работала Сима, давно уже царили тишина, покой и безлюдье. Такое ощущение, что народ вообще перестал интересоваться книжками. Сначала это Симу удручало, затем она к этому привыкла, она же всё равно ничего не могла изменить. Серафима была девушка позитивная и надеялась на лучшее. Ну и что сейчас книги, как говорится, не в тренде, пройдет время и читать снова будет модно и престижно, как в шестидесятых-семидесятых годах прошлого века. Соответственно вернутся почет и уважение к работникам библиотеки, как к последним из могикиан, сохранившим «доброе и вечное»...

– Сима, проснись! О чем задумалась? – толкнула ее в плечо Алла Давыдовна.

– Да так... Ни о чем. В астрал ушла, извините, – встряхнулась Серафима, возвращаясь на грешную землю.

– Давай, не спи, включайся! Я тебя назначаю главной по техническому возрождению нашей библиотеки. Осознала? Уж постарайся, Сима. Пора, пора нам идти в ногу с прогрессом. – Алла Давыдовна замолчала, и все посмотрели на Серафиму.

Сима обреченно кивнула – ну что ж, надо так надо...

На следующий день, придя на работу, Серафима узнала, что их директриса Алла Давыдовна слегла в больницу с гипертоническим кризом. Наверное, переволновалась – шутка ли, такие перемены в хозяйстве! Такое кого хочешь с ног собьет. Она позвонила Симе из боль-

ницы и попросила взять бразды правления в библиотеке в свои руки, а также срочно решить вопрос с компьютеризацией.

– Так не вовремя я загремела на больничную койку, – сетовала она. – Сегодня придут эти... как их? Прости господи, айтишники... Ты уж там... – сорвался голос Аллы Давыдовны.

– Я постараюсь справиться с ордой специалистов по компьютерам, – пообещала Серафима. – Вы, главное, не волнуйтесь и поправляйтесь!

– Да какое там «не волнуйтесь»! – тяжело вздохнула директриса.

Серафима осталась за главную, сотрудницы ее поддержали и беспрекословно выполняли все ее распоряжения.

С появлением двух специалистов для Серафимы начался настоящий ад. Молодые нагловатые ребята, годившиеся ей фактически в сыновья, жевали жвачку и разговаривали на непонятном языке. Они словно смотрели сквозь нее, замечали что-то для них смешное и хихикали. Серафима терялась и не знала, как с ними обходиться, чтобы не попасть впро�ак. В каждом помещении, кроме туалетов, конечно, появились компьютеры, опутав стены проводами. Уборщица высказалась, что наконец-таки поняла, что означает выражение «Всемирная паутина».

Серафима бегала за парнями по пятам и задавала такие вопросы, от которых круглые глаза ребят становились квадратными.

– Они связаны между собой? – спрашивала Сима, нервно отбивая дробь ногами.

– Кто? Пришельцы? – уточняли парни.

– Ну, вот они... Компьютеры, – поясняла Серафима, краснея.

Парень по имени Влад засмеялся в голос.

– Это компьютеры, они вообще все связаны между собой! Прикиньте? По всему миру связь!

– Ага, вы не поверите! – вторил ему парень Юра. – Проводами! Скоро спотыкаться будем.

– Вы зря смеетесь. Ящик обязательно должен стоять рядом с компьютером под определенным углом? – настаивала Серафима.

– Какой ящик? – подозрительно поинтересовался Влад, следуя взглядом за пальцем Симы, указывающим на процессор.

– Ящик? Это вы называете ящиком? А компьютер, по-вашему, где? – спросил он, даже слегка расстроившийся от такого неуважения.

– Вот! Главный, с экраном, – ткнула Серафима в монитор дрожащим пальцем.

Оба парня на какое-то время потеряли дар речи.

– Да, это самый тяжелый случай, что я знаю, – протянул один из них, переглядываясь с напарником.

– Я обучусь, – тряхнула головой Сима. но парни продолжали смотреть на нее с большим сомнением, ответственная по техническому оснащению библиотеки произвела на них сногсшибающее впечатление, не оправдывала она надежд директрисы.

– Вы что, никогда не видели компьютера? – наконец-таки решился один из них на непростой вопрос.

– Никогда. Нет, видела, но не работала, я даже включить его не знаю как, – честно призналась Серафима. – Но мне и ни к чему было...

– Как же вы живете? – ахнул парень.

– А вы ходите в библиотеку? – вопросом на вопрос ответила она.

– Куда? – переспросил Юра. – А зачем нам туда?

– Вот! То же самое я могу сказать по поводу компьютера. Зачем он мне? Мне хватает и библиотеки. В моей жизни компьютеру не было места.

– Да компьютер – это жизнь! – воскликнул Юрий.

– Библиотека – это жизнь тоже! – ответила Серафима, готовая отстоять свою точку зрения.

– У вас есть человек, которому можно объяснить техническую составляющую, или хотя бы кто-то, кто понимает, что компьютер не экран, а вот этот ящик, – почесал затылок Влад.

– Я это уже поняла, видите, как я быстро учусь? А вот насчет людей... Расстрою вас, у нас все сотрудники старшей возрастной категории. Могу вон позвать Милу Львовну восьмидесяти лет, которая приняла Всемирную сеть за нашествие пауков-гигантов и собралась ехать на дачу спасать урожай, вынимать тыкву из паутины.

Парни переглянулись.

– Нет! Восьмидесятилетнюю нам не надо, – протянул Влад, явно испугавшись такой возрастной категории.

– То есть вы хотите сказать, что вы здесь самая молодая? – с неприкрытым ужасом спросил Юрий.

– Представьте себе! – даже рассмеялась Сима. – Я самая молодая, и не факт, что самая адекватная из всех. Но на меня возложена важная миссия обучения коллектива компьютерной грамоте, – со страхом окинула взглядом распакованную технику Серафима, – и я должна приложить все усилия...

– Мы это... – начал Юра, но был грубо прерван толчком локтя друга в бок.

– Да ладно, братан. Помочь надо, видишь, совсем всё запущено, что мы, не люди, что ли?

И они усадили Симу перед монитором и включили процессор. Ребята щелкали клавишами со страшной скоростью. Сима от ужаса и возмущения забывала даже дышать. При этом они или ничего не говорили, или говорили такое, что... лучше бы они молчали...

– Вы что делаете? – спрашивала она периодически.

– Показываем, – раздражались они, а она ничего не понимала, не успевала.

– Да что непонятного? – удивлялись ребята, которых обуял острый интерес к педагогике.

– Знаете, в чем ошибка? – после двух часов мучений поняла Серафима.

– Хотелось бы узнать, – вытер пот со лба Юрий.

– Вы мне объясняете, что и как делать, а у меня перед глазами всё мелькает. Я так и не уяснила, как включить его, – призналась Сима. – Зря время тратим.

– Так мы же показывали!

– Я не запомнила. Записывать надо! – с отчаянием выкрикнула она.

– Записывать? – не понял Влад, похоже, что эти ребята писать не умели, а только стучали по клавиатуре.

– Сейчас я возьму блокнот и всё по порядку запишу, в каком ряду, какую нажать кнопку. И главное, в какой последовательности и через сколько секунд. А если надо будет, я и зарисую кнопки! – «обрадовала» их Серафима.

И ребята сдались.

– А больше вам ничего не надо. Ну, мягко говоря, не способны вы к работе на компьютере. Всем библиотечным работникам хотя бы одну программу изучить, – вздохнул Влад.

– На курсы компьютерные всем надо записаться, – добавил Юра.

– А это обязательно? – подняла от клавиатуры вспотевшее лицо Серафима.

– Вы извините, конечно, но у нас есть свои дела, работа, и нам не платят за обучение с нуля пользователей, которым устанавливаем компьютеры. Деньги получаем только за установку. Да и объяснять мы не особо умеем, – сказал Юрий, который был более жестким, чем Влад. Ему уже этот ликбез осточертел, и он просто хотел унести ноги отсюда.

– Я всё понимаю. Я могу заплатить... в разумных пределах, – испугалась Сима, что ее бросят.

– Вы лучше на компьютерные курсы идите, там профессиональные преподаватели. Научат... – посоветовал Влад. – К делу надо подходить основательно, а не либо как.

– Вот не было печали! Господи, за что мне это? Я все понимаю и приношу свои извинения. Дело в том, что нас тоже заставляют, я же не по доброй воле! Я бы ни в жизнь! Это не мое, это через силу! – застыдилась Серафима.

– Могу только посочувствовать, – пожал плечами Влад, – но вы не сможете остаться вне технического прогресса... Это как в школе обязательная программа... А остальное добирай по уму. Сначала выучи алфавит, а уж потом читай букварь.

– Аминь! – ответила Серафима. – Я буду стараться, ребята! Простите меня, если сможете!

Парни еще раз проверили работу установленных компьютеров и с видимым облегчением покинули здание библиотеки.

Глава 3

Для Серафимы началась каторга. Целыми днями она сидела теперь за монитором и наконец довольно сносно научилась набирать текст. Она купила несколько компьютерных пособий для «чайников», бесконечно изучала их и применяла полученные знания на практике.

Директриса не выходила из больницы, ее состояние никак не стабилизировалось. Иногда Симе казалось, что та специально из-за «инноваций» не желает покидать больничную палату. Сима и сама с удовольствием улеглась бы на больничную койку или взяла отпуск и уехала куда глаза глядят, да вот оказия – организм был молодой и не подводил пока, да и кто ей сейчас отпуск даст...

И все-таки Серафима поняла, что отступать некуда, и она пошла на компьютерные курсы, вечерние, каждодневные. Там ей не повезло, она оказалась в самой великовозрастной группе и самой... ну, вы понимаете... Непродвинутой. А молодежь очень быстро соображала, и педагог шел по программе всё дальше и дальше. Сима не успевала и плохо соображала, одно цеплялось за другое. А ведь тормозить всю группу из-за нее одной преподаватель не мог. Месяц нервотрепки, слез, ночных истерик... На работе Симе не раз приходилось вызывать за свои кровные деньги программистов, штатной единицы пока не было, а она часто путалась, как говорить, в трёх соснах.

Целый месяц она потратила, чтобы составить электронный каталог авторов на букву «А». До одури в голове, до темноты в глазах сидела она за монитором. Колоссальный труд. И вот через месяц ей каким-то непостижимым способом удалось безвозвратно удалить свой тяжкий труд. Серафиму обуял ужас, когда она поняла, что совершила непоправимое.

– Чертова машина! Уродство! – ругалась Сима, сама себя не узнавая, потому что до этого момента вообще не произносила таких слов. Она поняла теперь, откуда столько жестокости и насилия в мире – это от кошмарных «ящичков».

Ее бросало в дрожь от мысли, что любая работа, проделанная ею, может в любой момент улетучиться безо всякого следа. И каждый раз начинать заново? Серафима сняла с карточки все свои деньги и вызвала специалиста в библиотеку, но он только руками развел со словами: «И как вам это только удалось? Первый раз такое встречаю!» Последующие мастера тоже оказались бессильны.

– Не знаю, как вы сделали, но у вас слетело всё, что в принципе не могло слететь, – удивлялся мастер, пришедший по рекомендации сослуживицы. – Возможно, конечно, вирус... Сожалею, но я помочь не могу, ничего не получается.

– И что делать? Мне никто не поможет? – спросила Серафима. – Нас всех разгонят, если мы не овладеем компьютерной грамотой!

– Обычные программисты не помогут... Если только найти какого-нибудь очень крутого хакера... Очень крутого! Чудеса случаются. Но без хакера у вас вряд ли что выйдет.

– А где я такого найду? – растерялась Сима.

– Не знаю... Но я вам помочь не в силах.

– Может быть, хотя бы подскажите, где мне такого человека найти? Вы ведь вращаетесь в компьютерных кругах... Помогите! Я уже и у преподавателей на компьютерных курсах спрашивала, но мне сказали, что не их уровня запрос.

– Простите, но я – пас, – развел руками программист. – Такие люди на улице не валяются. Скорее всего, придется смириться с потерей данных.

Директриса к этому трагическому моменту наконец-то вышла на работу и пребывала в состоянии растерянности. Серафима чувствовала свою вину: она подвела Аллу Давыдовну

Соломину и не выполнила возложенную на нее миссию по обеспечению их библиотеки информационными технологиями. Нервное напряжение и переживания в течение последних месяцев вылились у Серафимы в настоящую болезнь.

Началось с того, что утром Сима потеряла сознание в метро, ее вынесли из вагона добрые люди и уложили на скамейку, подложив под голову ее сумку. Сима еле доехала до дома. Полдня она не могла прийти в себя, а вечером ей снова стало плохо. Не хватало воздуха, сердце готово было выскочить из груди, а в глазах темнело. Она страшно испугалась, потому что не понимала, что происходит.

Анна Григорьевна тоже испугалась и побежала к соседке, которая когда-то давно работала процедурной медсестрой в местной поликлинике. Узнав, что произошло с Симой, она высказала предположение, что у нее что-то с головой. Или опухоль мозга, или инсульт. От таких «диагнозов» Серафиме стало совсем плохо, и перепуганная Анна Григорьевна вызвала «Скорую помощь». Приехавший фельдшер поговорил с Серафимой и сразу же заподозрил у нее нервное или психическое расстройство, потому что электрокардиограмма и легкие были в норме, все органы работали без перебоя. А вот ее паника и «трясучка» наводили на определенные мысли.

– Надо ехать в стационар, – сказал он Анне Григорьевне.

– В какой? – сразу же задала та правомерный вопрос как женщина, считавшая себя фактически мамой Серафимы и, естественно, очень переживавшая за нее.

– В психиатрическое отделение, – ответил фельдшер, и глаза у Анны Григорьевны наполнились слезами.

– Нет, вы не волнуйтесь... Это совершенно не означает, что пациентка сошла с ума, но то, что у нее нервное расстройство, это точно, и там ее быстро приведут в порядок. А я посоветовал бы вам прислушаться к моим рекомендациям, – настаивал медик.

– Господи, дожили! Довела ты себя, Симочка! Может, хоть в больницу какую приличную отвезете? – Анна Григорьевна всхлипнула.

– Я не хочу в психушку, – пискнула Серафима. Ее била нервная дрожь от испуга.

– Поймите, никто сейчас никого в стационаре силой не держит, но вам просто необходимо успокоиться и прийти в себя, иначе я уеду, а у вас этот приступ повторится, – сказал фельдшер.

Серафима поняла, что ей действительно нужна помощь, и согласилась поехать с ним, пребывать и дальше в таком состоянии и без помощи медиков она не хотела. Она не заметила, что Анна Григорьевна сунула фельдшеру несколько купюр, чтобы ее отвезли в приличную больницу. Купюры оказалась довольно крупными, но уж сильно повлиял на психику Анны Григорьевны факт, что именно такого плана требуется помощь Серафиме. Фельдшер был калач тёртый. Понятно, что люди не хотят, чтобы их родственника поставили на учет по психическому заболеванию. И он отвез Серафиму к знакомому врачу в частную клинику нервных болезней доктора Бромеля, поделившись с врачом гонораром.

– Уж помощи этой библиотекарше... – попросил фельдшер. – И так ущербная какая-то... – Увидев ошеломленный взгляд Серафимы, ласково пояснил ей: – Профессия у вас малоприбыльная, знаете ли... Понятно, что зарплата ущербная...

Серафима только тяжело вздохнула и решила не обращать на слова фельдшера внимание. То ли еще будет...

Глава 4

Серафима открыла глаза и посмотрела на высокий, светлый потолок. В голове гудело и тикало, а за окном светило яркое солнце и щебетали птички, плохое самочувствие не соответствовало хорошей погоде. Сима очень хотела спать, и это было ее главной мыслью, которая просто заволакивала ее сознание. Перед глазами возникло женское улыбочивое лицо, которое не дало ей опять погрузиться в сон.

– Здравствуйте, Серафима.

– Здравствуйте, – ответила она, ощущая свой голос, как что-то отдельное от нее самой.

– И как мы себя чувствуем? – поинтересовалась женщина.

– Хорошо...

– Не тяготят ли нас тяжелые и тревожные мысли?

– Мне хорошо, – не узнавала своего голоса Серафима, которая словно плыла по молочным рекам с кисельными берегами. И не чувствовала ни страха, ни тревоги, ничего...

– Можно поспать? – спросила Сима, зевая.

– Конечно, спите. Лучшее лечение – медикаментозный сон. Спишь себе и лечишься от всех тревог и невзгод! – приветливо улыбнулась женщина, и перед Симой мелькнул ее красный маникюр.

Она тонкими, длинными пальчиками прокрутила колесико на замке капельницы и ускорила подачу лекарства в прозрачную трубку, тянущуюся к вене Серафимы.

Сима смотрела на капельки, отрывающиеся, падающие в трубку, и видела огромный водопад, состоящий из тысяч таких капелек, каждая из которых освежала ее и несла заряд бодрости и позитива. Она нежилась под упругими, прохладными струями, подставляла лицо лучам теплого солнца. А где-то далеко, на берегу, стояла женщина с радужными крыльями, словно у стрекозы, и четким, хорошо поставленным голосом говорила:

– Вы абсолютно свободны и расслаблены... Вы плывете по волнам умиротворения, ощущая в своем животе теплый шар, который согревает и расслабляет все ваше тело... Снимается напряжение с рук и ног, уплывают тяжелые, негативные мысли, и всё прекрасно...

«Как же мне хорошо! – подумала Серафима, слушая голос женщины и поддаваясь ее воле. – Так бы всю жизнь. Словно в рай попала... за какие такие заслуги?»

И Серафима плыла себе и плыла... Но почему-то ее вдруг оторвало от общего потока светло-изумрудной воды и понесло куда-то в сторону. А там было холодно, неуютно и течение шло завихрениями, затягивающими омутами. Симе стало страшно, и она закрутила головой, всматриваясь в берега в поисках волшебной женщины-стрекозы, которая рассказывала о чудесах и спокойствии, чтобы пожаловаться ей на водовороты, что теплый шар в животе исчез, она начала мёрзнуть. Но Сима не видела ни берега, ни радужной феи, хлопающей мерцающими крыльями, она не видела ничего, кроме сгущающихся облаков и тяжелого низкого неба. Вокруг нее бурлила холодная вода, накрывающая ее с головой. Вода проникала внутрь, Сима начала захлебываться. А потом вода, наоборот, поднялась из недр ее организма, и Серафима...

Она открыла глаза и, перегнувшись через кровать, освободилась от содержимого желудка в судно, которое держала какая-то женщина.

Когда она отдышалась и подняла на женщину глаза, та сказала:

– Давай, давай, дорогая! Плохо тебе? Но ничего, вырвало и будет легче. Что, опять тошнит? – приговорила женщина, а Серафиму всё рвало и рвало, даже желудок заболел.

– Господи, как же плохо! Что со мной? – У Симы потемнело в глазах. – Я не могу дышать...

– Тихо-тихо! Ты, главное, не шуми. Нас не должны заметить, – трясла ее за плечо женщина, умоляюще смотря на Симу.

Серафима в очередной раз оторвалась от эмалированного судна и подняла на нее покрасневшие глаза.

– Кто вы?

– Меня зовут Ася, я медсестра.

– Да, я помню... Я в больницу попала, меня на «Скорой» привезли. Так хорошо было спать... Я совсем не выспалась, зачем вы меня разбудили? Я спать хочу, и мне сразу же плохо стало...

– Серафима, тебе надо уходить, – сказала медсестра. – Тебе не следует спать. Уходи.

– Уходить? Куда? – не поняла Сима.

– Домой, к друзьям, куда угодно. Уходи! Только подальше отсюда! – тряхнула ее за плечо Ася.

Она схватила Серафиму за руку и стащила с постели. И тут Сима явственно ощутила, что ее совсем не держат ноги. Они просто подгибались, а голова, наоборот, ощущалась как что-то тяжелое, налитое свинцом.

– Ноги не идут? Ослабли. Но ничего, идемте со мной, я буду поддерживать, я помогу. – Девушка была явно настроена на то, чтобы побыстрее выдворить ее из палаты.

Серафима грохнулась на четвереньки.

– Да я не могу идти, мне что, ползти, что ли?

– Ползи! Ползи за мной! – скомандовала Ася и твердо простучала каблуками мимо Серафимы.

– Да вы с ума сошли... – Она с трудом поползла следом, ее шатало и мутило. – Что у вас за отношение к пациентам? Почему я должна ползти? – не понимала Серафима. – Вы мне доставляете неприятности... вы хотя бы это понимаете?

Но Ася была неумолима. В коридоре она огляделась по сторонам, помогла Симе встать на ноги и затащила ее в какой-то кабинет.

– Сейчас дам вам выпить кое-что, и сразу станет лучше. Взбодритесь чуток, а то мы так далеко не уйдем...

– Да я не хочу ни есть, ни пить...

– Надо! Вам в себя прийти надо! – резко заявила медсестра.

Серафима огляделась. Судя по всему, они оказались в процедурном кабинете, сверкающем чистотой. В кабинете находились сейф, шкаф с лекарствами, стол, стул и кушетка. Серафима разместилась на белой кушетке. А вот за окном было совсем темно.

– Ночь, что ли? – удивилась Серафима.

– Час ночи, – подтвердила Ася.

– Зачем вы меня разбудили?

– Бежать вам надо, пока врачей нет, – серьезно посмотрела на нее медсестра, открывая сейф. – Специально ждала этого часа, самое безопасное время...

– Почему? Мне так хорошо... я лечусь здесь, между прочим!

– Вы спите уже пять дней, то есть суток, – ответила Ася.

– Сколько? – не поверила своим ушам Серафима, почему-то решившая, что она только что прилегла, а ей даже не дали выспаться.

– Прошло пять дней! – подтвердила Ася, открывая какие-то ампулы и сливая их в одну емкость. – Поэтому у вас и слабость в ногах. Мышцы застоялись. Не атрофировались, конечно, не успели еще, но застоялись. Ничего, сейчас вот этот коктейль выпьете, и вперед!

– Пять дней! – Серафима всё не могла поверить. – А как один час! Поразительно! Просто не верится...

– Конечно! Такие лекарства капают, что спишь и спишь... Так и спала бы еще месяц, пока твои родственники квартиру бы не продали, – сказала, оглянувшись, Ася.

– Как квартиру? Зачем?

Ася вздохнула и посмотрела на свою подопечную.

– Не соображаешь? Это нормально при таких-то препаратах. Ничего, вот выпейте залпом, и всё! – буквально влила в нее лекарство Ася.

Серафима вздрогнула и заставила себя проглотить препарат. Она подавила приступ тошноты, ее заинтересовала речь суетливой молодой медсестры.

– Ничего-ничего, сейчас лучше будет и в голове прояснится, – заверила медсестра.

– Вы мне можете объяснить, что происходит? – спросила Серафима, умоляюще глядя на Асю, ощущая тревогу.

– Конечно, объясню, придется объяснить. Это частная психотерапевтическая больница. Обычно, когда человеку становится плохо с головой, ему вызывают на дом «Скорую помощь». Приезжает специализированная «Скорая помощь» для душевнобольных. А близкие, родственники пострадавших, очень пугаются, что укутут в «желтый дом», и начинают совать деньги, чтобы отвезли куда получше, и обязательно вылечили, и чтобы без последствий. Почему-то народ думает, что если забирают в специализированную больницу, то человек нормальным уже не будет или вообще не выйдет. С этой «Скорой помощью» у нас есть договоренность, что если за больного платят, его везут не в государственную больницу, а сюда, к нам. А тут уже начинается простое выколачивание денег. Даже если с пациентом не всё так плохо, его погружают в сон или заторможенное полусонное состояние, превращают в «овощ». Это всегда производит впечатление на родственников, они отдают любые деньги, чтобы вывести близкого человека из этого состояния. Вот и вас показали родственнице в подобном состоянии. Она сказала, что возьмет вас к себе, а квартиру продаст и отдаст деньги на ваше лечение. Неплохой способ! Пользуются, что родственники больных не специалисты, ничего не понимают в психиатрии и очень боятся за родных, видя их в таком состоянии. Родственникам говорят, что если немедленно не провести курс на миллион-другой, то произойдут необратимые изменения в мозге пациента, и человек на всю жизнь останется «овощем». И вот слово «необратимые» действует на психику родных безотказно, и они готовы на любые дорогие лекарства, лишь бы их любимого и родного человека вернуть к жизни! Это же страшно! Вот этим и пользуются. И как только деньги за больного переводят, пациент снимается с транквилизаторов и «бодрячком» возвращается в семью. И никто никогда не посмеет упрекнуть врачей в чем-либо. Наоборот, благодарят! Да! Они спасли! Они помогли! Честь им и хвала! Они порекомендовали замечательное лекарство и спасли человека! Он был в жутком состоянии, и вот сейчас с нами, снова жив и здоров!

– Так это же преступление! – ахнула Серафима.

– Вы думаете? Комар носа не подточит! «Скорая» привезла по вызову. Жалобы были? Были! Врачи спасли? Спасли! Деньги вымогали? Не вымогали! Сами по доброй воле решили помочь родственнику не сойти с ума окончательно? Сами! А уж диагноз нужный поставить – это раз плюнуть! – вздохнула Ася.

– Это неэтично! Это не по совести! Это...

– Нечестно! – закончила за нее медсестра. – Вы как хотите это назовите, так и есть! И ведь, главное, вреда здоровью пациента наши паразиты-врачи тоже не наносят, он просто спит. И как только его выводят из-под действия лекарств, человек становится абсолютно таким же, как и был. Всем хорошо, а потом, не все квартиры продают... это я тоже загнула... иногда обходятся продажей авто или полным закрытием счета в банке, – отмахнулась Ася.

– Это ненормально! Это – криминал чистой воды! Разводилово! Это не лечение! – не унималась Серафима.

– Да правы вы, правы! Только сейчас должны думать о себе и о том, чтобы унести ноги отсюда, пока родственники не успели продать квартиру и лишиться всего недвижимого имущества.

– Меня трясет, – сообщила Серафима, стуча зубами.

– Это нормально! Я вам чистый адреналин дала, чтобы в себя прийти! Ноги уносить надо как можно скорее! А адреналин потрясет еще часок-другой, и всё. Вы не обращайте на это внимания! Вот, возьмите, накиньте на себя белый халат. – Ася сняла с вешалки халат.

– Постараюсь, – не очень уверенно ответила Серафима, напяливая на себя дрожащими руками халат и задавая самый правильный вопрос: – А почему вы мне всё это рассказали? Почему вы меня спасаете?

Ася усмехнулась.

– Да не вас я спасаю! Себя спасаю! Не смотрите так! Объяснять долго.

– Так есть время, – тряслась Сима.

– Нет у вас времени, нет! Уходить нужно! Всё потом! Сейчас я принесу вам одежду и выведу из больницы. Деньги есть?

– Нет, – честно ответила Серафима.

– Дам вам на частника. Отойдите подальше от клиники, поймайте машину, уедете побыстрее и забудете нас, как страшный сон, – Ася выглянула в коридор, шепнула Симе, чтобы она подождала ее здесь, и выскользнула из процедурной.

Серафима осталась одна и тут же услышала топот ног за стенкой и какие-то голоса. Один из них был мужской. Серафима и сама не поняла, как оказалась под койкой, прижавшись к стенке, к холодной кафельной плитке. Она сильно испугалась. Простыня, свешивающаяся с кушетки, закрывала ее примерно наполовину. В процедурную вошли две пары мужских ног и аккуратные женские ножки в медицинских светлых шлепках без задников. Мужские ноги шли напряженными, мелкими шажками, и вскоре стало понятно почему. Вошедшие с шумом водрузили что-то прямо на кушетку, под которую спряталась Серафима. Она вздрогнула, не на шутку испугавшись, увидев свесившуюся с койки руку от сваленного, как мешок с картошкой, тела человека. Рука была мужская и, судя по запястью и длинным полусогнутым пальцам, не старая.

– Зачем вы сюда его притащили? – спросила женщина, и по голосу Сима узнала Асю. Голос у нее дрожал.

«Вдруг это подстава? – подумала Серафима. – Меня обманули, привели в эту процедурную, вот принесли еще кого-то и сейчас поставят какой-нибудь эксперимент? У меня и правда произошло размягчение мозгов».

– Что вы делаете? Кто это? Зачем сюда? – волновалась Ася, и она знала, почему волнуется, знала это и Сима, боявшаяся дышать.

– Тише, не кричи! Ты что тут делаешь? Тебя не должно здесь быть, – ответили ей.

– Я спрашиваю, кто этот человек? – Ася, наверное, поняла, что Серафима спряталась, и также знала где, потому что другого места просто не имелось, но она ее не выдавала, и это было уже хорошо.

– Бомжа нам без документов подбросили, должны были взять, – ответил ей мужской голос.

– Чего вы его в процедурку принесли? – не унималась Ася.

– А вот это уже не твоего ума дело. Уходи и скажешь, что не видела нас ночью, тебе же спокойнее будет. Иди в ординаторскую, поспи и про всё забудь.

– Слушайте, вы! Мне указывать не надо! Вы всего лишь санитары, а я дежурная медсестра! Что случится на моем дежурстве – отвечать мне! – прикрикнула Ася.

– Отвечать не тебе, а дежурному врачу, а он нам указание дал! Иди с ним и поговори, он мозги тебе вправит!

– Я из своего кабинета никуда не пойду! – заартачилась девушка.

– Хочешь знать, что происходит? Станешь соучастницей! Дмитрий Валерьевич сказал, что никаких бомжей мы бесплатно лечить не будем. Но если его доставили, надо избавиться, – сказал один из мужиков.

– Как избавиться? – оторопела Ася. – Вы что надумали? Сами с ума сошли?

– Суицид, – засмеялся один из мужиков.

– Очень хорошая легенда. Мужик пришел в себя, понял, в каком дерьме оказался, да еще был пьяный, а у нас в больнице ему никто и не нальет, и не даст никаких лекарств. У парня началась ломка, он не выдержал и вскрыл себе вены. Как тебе? Правдоподобно? Наш Дмитрий Валерьевич считает, что идеально. Да и копать никто особо не будет. А мы тоже так считаем, он нам платит, он наш хозяин, он наливает медицинский спирт, и он прав, – сообщил Асе один из санитаров.

В небольшом помещении процедурного кабинета воцарилась тяжелая пауза, затем Ася прошептала:

– Вы с ума сошли? Вы хотите убить человека? Какой такой суицид?

– Да какого человека?! Посмотри на него! Это бомж! Нашла ценную личность! Дармоед-алкоголик!

– Бомж – тоже человек! Он еще молодой! Его будут искать! Это же бесчеловечно!

– Его подобрали на помойке! Там люди, нужные хоть кому-либо, не оказываются. Да Дмитрию Валерьевичу всё равно. Он не собирается лечить бесплатно всякую шваль! Покончил жизнь самоубийством, значит, покончил! Шабаш! Труп в пакет и уже официально на свалку! Туда ему и дорога! А ты не порти отношения с нами. И будь внимательна, Ася, я не сказал, что ты потеряешь работу, но Дмитрий Валерьевич из-за тебя своим благополучием рисковать не будет. Место у Дмитрия здесь очень прикормленное, и ты, детка, сейчас сильно рискуешь. Поэтому сделай вид, что ничего не знаешь, иди спать и забудь всё как страшный сон.

Ася переминалась с ноги на ногу.

– Ребята, голову включите! Одно дело – вы тут пациентов на транквилизаторах держите, пока выколачиваете из их родственников деньги. Но ведь совсем другое дело – пойти на убийство! Пусть, с ваших слов, и бомжа! Вы хотите убить человека! Это ненормально! Это статья! Остановитесь!

– Я устал от тебя, Ася, – вдруг каким-то изменившимся голосом сказал санитар. – Или ты с нами, или против нас.

– Я с вами, хотя мне это и противно, – ответила Ася, сдавшись, да оно и понятно, угроза от этих ребят исходила реальная.

Серафима не знала, что ей делать. Но мозги у нее уже заработали со страшной силой. Она не желала становиться свидетельницей убийства. Только еще не понимала, как она может вмешаться в этот процесс.

Санитар, по всей видимости, выступающий за главного, выдержал паузу и произнес:

– Ладно, с нами так с нами. Но лучше у Дмитрия Валерьевича уточнить, не нравишься ты мне. Вопрос доверять тебе или нет он решать должен, как наш босс.

– Чего уточнять?! Этот очнется у вас скоро! – истерично воскликнула Ася.

– Да ему по башке долбанули, а сейчас Саня сильное снотворное вколол, не очнется. Ну да ладно! Не пойдем сейчас к Диме, порежем вены, и пусть кровью истекает, – согласился санитар.

Затем звякнули какие-то инструменты, и все ноги скучковались у кушетки Серафимы.

– Боже мой, – выдохнула Ася.

Сима увидела, как на светлый кафель закапала алая кровь. Она зажала рот руками, боясь выдать себя.

– Ну, всё. Полчаса – и нет бомжика, – сообщил санитар веселым голосом.

– Давайте не будем здесь стоять, хотя бы это... – сказала Ася.

– Чего так?

– Смотри, как фонтанирует кровь! Еще на нас капнет. И как потом будешь объяснять ее происхождение? Стояли и смотрели, как человек истекает кровью? Да и плохо мне! Пожалуйста! – сказала Ася.

От слова «фонтанирует» Серафима чуть сознание не потеряла.

– И то верно говорит. Пусть истечет кровью, а потом мы вернемся, вызовем полицию, поднимем переполох и отдадим бомжа в морг, – согласился один из санитаров.

– Уйдем минут на десять! – сказала Ася. – Покурим на улице.

– Да он быстрее кончится, – буркнул санитар.

– Вернемся через десять! А то еще откачает кто-нибудь! Так надежнее будет, да и не хочу видеть конвульсии! – твердо стояла на своем Ася. – У меня бутылка водки есть! – привела она, по всей видимости, последний аргумент в свою пользу.

– Как скажешь! – рассмеялся санитар. – Вот что значит – медсестра! Так все рассудила! Зря Дмитрий Валерьевич тебя раньше не привлек! Я смотрю, ты ценная сотрудница. И голова работает. Ишь, как все объяснила и закрутила. Ладно, пойдем покурим! Эй, захвати пластиковые стаканы, снимем напряжение!

– Это-то я с удовольствием!

И три пары ног покинули процедурный кабинет.

Серафима осталась одна и поняла, что не имеет права потерять сознание из-за вида крови, потому что у нее осталось всего минут десять, чтобы унести ноги. Ася честно дала ей это понять, именно для нее она это повторила несколько раз и даже указала место, где они будут курить. На улице справа. Ведь не этому же несчастному все эти слова предназначались. Его судьба была решена, он истекал кровью. С ним было все ясно, просто человеку не повезло. Сима все-таки стала безмолвной свидетельницей самого настоящего убийства, хотела она этого или нет... Серафима понимала, что скоро вернутся санитары, они найдут ее и тоже убьют. Свидетельницу они не оставят, потому что убийство есть убийство, и такие отморожки это знают прекрасно. Мозги у нее стали работать с бешеной скоростью, то ли они включились от пережитого шока, то ли уже действовала термоядерная смесь, которую она выпила.

Серафима выбралась из укрытия и с ужасом уставилась на истекающего кровью мужчину. Первое, что ей бросилось в глаза, это то, что он высокий и плечистый. Бомж не был стар, хотя возраст определить оказалось трудно. Еще он был очень грязен и в таких лохмотьях, что просто диво. Человек, вероятно, ходил в этой одежде не один год, и запах стоял соответствующий. На полу было много крови, темной и густой, и она сочилась и сочилась из его устрашающих порезов на запястьях...

Вдруг в Серафиме произошел какой-то перелом: почему она не бросилась спасти свою жизнь в такой ужасной обстановке? Ведь Сима не только слышала угрозы, от которых любой нормальный человек мог бы испугаться, она уже видела реальное действие этих угроз. Она видела, на что способны эти люди, а она ведь не супермен. Такого самоощущения даже это лекарство ей дать не могло. Самое интересное, что и этот человек ей был абсолютно никто. Но почему-то именно в этот момент Сима ни о чем таком не подумала, может быть, таким образом на нее подействовал стресс.

Она кинулась спасать бомжа.

На видном месте в шкафу лежали бинты. Серафима судорожно начала разрывать их плохо поддающиеся обертки и наматывать ему бинты на руки абсолютно хаотично, непрофессионально. Просто мотала и мотала, словно провод на катушку. Плохо получалось, муж-

чина был как ватная кукла и не подавал признаков жизни. Серафима выглянула в коридор и столкнулась взглядом с ...

Огромный мужик стоял у процедурной и тяжело смотрел на нее. Глаза его были пусты и безумны. От ужаса у Серафимы даже ноги подкосились. То, что это пациент, было понятно, то, что она его не знает, тоже являлось очевидным, потому что она не успела ни с кем познакомиться, так как все время находилась в медикаментозном сне. Но главное, что мужчина этот был явно ненормален. Серафиме стало очень страшно. Она почему-то моментально вспомнила огромного слабоумного доброго негра из потрясающего фильма «Полет над гнездом кукушки», и ей стало еще страшнее. Обстановка соответствовала, а вот становиться на место главного героя ей совсем не хотелось.

– Ой, – только и смогла она произнести.

– Боря пришел, – сказал мужчина, стеснительно улыбаясь и всё еще не фокусируя на ней взгляд.

Серафима вытерла проступивший на лбу пот, начиная понимать, что мужчина настроен не агрессивно, и, в конце концов, она тоже пациентка этой больницы, а не «душегуб-медичка», то есть она с этим пришельцем находится по одну сторону баррикад.

– Боря не спит, – радостно сообщил мужчина.

– Боря – это кто? – осторожно вступила в разговор с душевнобольным Серафима, и по мелькнувшему удивлению в доселе пустых глазах она поняла, что Боря – это он.

Мужчина радостно заулыбался и закивал.

– А ты Ася!

– Я не Ася, я Сима, – поправила она и тут заметила, что у нее руки в крови бомжа, а теперь еще, наверное, и лицо, раз она так старательно вытирала пот.

– А я хочу, чтобы ты была Ася, – простодушно сказал Боря, – иначе Боря не заснет, – прибегнул он к шантажу.

Серафима понимала, что драгоценное время тает, и она рискует с этим психом встретить и Асю, и санитаров-убийц, а те уже не будут разбираться кто Ася, а кто нет, и положат всех.

– Ася передала мне, чтобы я хлопнула мальчика по попке, если он не будет спать, – неожиданно выдала она Борису.

Такие вот потаенные фантазии в такой ответственный момент вырвались на свободу, она и сама испугалась.

Но, как ни странно, это подействовало. Взрослый мужчина закрыл голову руками.

– Не надо! Не надо! Я ничего плохого не делаю! Ася знает, что я всегда хожу за конфеткой! Ася добрая и хорошая, она всегда дает Боре конфетку, и Боря уходит. Иначе Боря не заснет.

– Какая-такая конфетка?

– Такая большая, круглая и сладкая!

Серафима окинула взглядом стеклянный шкаф с лекарствами и ей повезло. Может, и правда мозг работал с удвоенной силой в такой-то ситуации, да и адреналин действовал. Серафима сразу же увидела «аскорбинку» в форме больших конфет в обертке с оранжевыми полосочками.

– Ага! Вижу-вижу большие вкусные конфеты! – сказала она.

– Боря очень любит конфеты, – сладко причмокнул больной.

Почему-то он все время говорил о себе в третьем лице. Может, это было какое-то психическое расстройство, но Серафима не захотела вдаваться в подробности, да и не врач она. А вот соображать стала очень быстро.

– Я дам Боре очень много конфет, – заявила она.

– Правда?! Здорова!

– Конечно, здо́рово! Но только, если Боря поможет мне. Надо этого мужчину, – она махнула рукой в сторону бомжа, – вынести из больницы. Через запасный выход. Боря же знает все тайные входы и выходы, раз он приходит за конфетами? – уточнила Серафима.

– Боря такой... Боря всё знает! – ответил он.

Серафима поняла, что если ее выпрут из библиотеки из-за тупости в плане информационных технологий, то у нее всегда есть шанс устроиться социальным педагогом по работе с не совсем нормальными людьми. У нее это получалось просто, словно всю жизнь с ними общалась. По крайней мере, Боря повелся на раз-два-три.

– Бери и неси! – скомандовала Серафима, быстро набивая карманы витамином С.

Боря подхватил несчастного бомжа с такой легкостью, словно это была кукла.

– Боря пошел? – спросил он.

– Иди! Иди! – несказанно обрадовалась она, что душевнобольной даже не побрезговал запахом бомжа.

– А конфетки взяла?

– Взяла! Взяла! Всё взяла! Скорее бежим! – подбодрила его Серафима.

Боря пустился по коридору рысцой. Сима молила бога, чтобы их никто не заметил, но, похоже, ночью медперсонала было мало, и она знала, где находятся трое.

Борис резко свернул куда-то под лестницу, Серафима еле успела затормозить и нырнуть за ним. Обернувшись, чтобы бросить последний взгляд назад, нет ли погони, она с ужасом заметила кровавые капли, тянущиеся по коридору. Видно, бинты соскочили.

– Вот ведь черт!

Она стащила с себя белый халат, сняла майку и стала быстро-быстро подтирать кровавый след, сердце в груди у нее грохотало, как молот.

Голос Бори прервал это упоительное занятие:

– Боря устал ждать! Где конфеты? – потребовал он, улыбаясь.

– Ну-ка скорее бежим туда, под лестницу! – Сима натянула халат, засунула испачканную майку за какую-то дверь и взяла душевнобольного за руку. – Где бомж?

– Что такое «бомж?» – спросил Боря.

Сима мысленно сплюнула.

– Тот, кого ты нес, – пояснила она.

– Ушел, – беззаботно ответил Борис. Улыбка не сходила с его лица. – Давай, Ася, Боре конфету.

– Как ушел?! – рванула вперед Серафима.

Она испугалась, что псих мог с ним что-то сделать. Например, взять да и пристукнуть в поисках конфет. Серафима сбегала вниз по лестнице и уткнулась в железную дверь. Она подергала ее. Та была заперта. Сима оглянулась по сторонам, бомжа словно корова языком слизала.

– Господи, где же он? Что ты с ним сделал? – взяла она за грудки Борю.

– Боря конфет хочет! – напомнил тот, поглаживая свой живот, и от этого жеста Серафиме стало совсем нехорошо, словно у него в животе мог оказаться этот несчастный человек.

– Куда ты его дел?

– Здесь его нет! Я открыл дверь, и он туда пошел, – указал рукой на дверь Боря.

– Открыл? Мне открой тоже! – попросила Сима.

– Конфету... – надул губы Боря, проявляя напористость в просьбе.

– Сначала дверь, – не сдалась Серафима.

Боря нахмурился, потом пожал плечам и отодвинул тяжеленный засов. Он толкнул дверь:

– Вот...

Серафима вытащила из карманов всю аскорбинку, что у нее была, и отдала ему. Наверное, даже ребенок меньше радуется новой игрушке или «киндер-сюрпризу». Боря сразу же стал разворачивать обертки, приговаривая:

– Конфеточки, конфеточки мои! Так много! Боря вас так любит! Боря будет хорошим мальчиком... – приговаривал он, пуская слюни.

– Боря! – окликнула его Серафима, но ее зов остался без внимания.

Боря уже набил полный рот и самозабвенно жевал.

Тогда Сима применила другую тактику.

– Передай Боре...

– Что? – Борис повернулся к ней.

– Чтобы он за мной закрыл дверь.

– Это легко. А конфет больше нет? – спросил он.

– Нет. И еще Боря должен знать, что много конфет сразу есть нельзя! Лучше по одной каждый день.

– Каждую ночь, чтобы видеть фею во сне, фею сна...

– Или каждую ночь по одной! И фее это понравится тоже, – согласилась Серафима.

– Хорошо! – кивнул он, пряча в карман фантики.

– А теперь Боря должен идти в палату и лечь в кроватку. Боря будет хорошим и послушным мальчиком?

Боря засопел:

– Будет...

Серафима вышла на улицу, а он сразу же закрыл за ней дверь и загремел засовом. Она выждала чуть-чуть и подергала дверь, та не поддавалась. Боря сдержал обещание. Оказывается, рисковать жизнью можно из-за бомжей, и даже договориться с психами тоже можно. Для Серафимы эта ночь стала ночью откровений. Очень странная и опасная ночь.

«Главное, чтобы Боря успел спрятаться и не сожрал всё сразу! А то еще аллергия у человека начнется или что похуже», – подумала она и оглянулась. От запасного выхода вела тропинка, уже слегка заросшая, потому что выходом мало пользовались. По ней Серафима и поспешила, заглядывая под каждый куст.

– Эй! Ты где?

«Неужели Боря неправду мне сказал? Куда он дел бомжа? У него было мало времени... А вдруг он отнес его в какую-нибудь палату? Тогда – всё... Мне назад уже не вернуться», – думала она.

Но примерно через сто метров она заметила шатающегося человека, который держался за дерево.

– Вот вы где! Слава богу! – подбежала Серафима, подставляя ему свое плечо. – Надо быстрее уходить! Как вы еще на ногах стоите! Так внезапно пришли в себя! Удивительно! Держитесь за меня. Нам нужно спешить. Вам необходима медицинская помощь! – тарыхтела Сима скорее для того, чтобы успокоить саму себя.

Пока удача была на их стороне, но она жутко боялась погони, им следовало как можно скорее уносить ноги от убийц. Бомж был очень тяжелым и явно немногословным, он бубнил что-то, но Серафима совсем ничего не понимала.

– Спокойно! Спокойно! Просто идите! Вот так! Шаг за шагом! Только чуть-чуть быстрее. Вот молодец! Ничего! Вы крепкий! Всё получится! Сейчас вы очень слабы... такая кровопотеря...

Они вышли на шоссе. И тут Сима столкнулась с человеческим равнодушием. Редко проезжающие машины объезжали их стороной, просто шарахались от них. Состояние бомжа ухудшалось, Серафима отчаянно махала руками, но никто не останавливался. Да оно и

понятно было. Ночь. Безлюдная дорога. Грязный человек, шатающийся, словно пьяный, с подозрительной дамочкой. Таковую парочку точно никто не пустит в салон автомобиля. Даже из-за элементарных гигиенических соображений. Серафима уже отчаялась, когда рядом с ними остановилась патрульная машина и из нее вышел работник дорожно-постовой службы. Он присвистнул, сдвинув фуражку на макушку.

– Мы получили сигнал от мимо проезжающего водителя, что на дороге голосуют двое странных типов, – сказал он. – Ну и что у вас произошло?

– Спасите! Спасите! Нас хотят убить! – кинулась к ним Серафима и ухватила руками за капот машины, словно боясь, что та сейчас уедет.

Полицейский только руками развел и пригласил их сесть в автомобиль.

Глава 5

Вот уж никогда не думала Серафима, что ей, обычной библиотекарше не первой молодости, придется давать показания в полиции. Ее дело вел следователь Колбасов Герман Геннадиевич, мужчина средних лет, вероятно, средней зарплаты и средней внешности. Всё в нем было среднее... Кроме характера. Вот характер у Германа Геннадиевича был просто прескверный, это Серафима поняла с первых минут общения.

– Серафима Игоревна Барская, библиотекарь, не замужем, детей нет, – зачитал он и поднял хмурый взгляд на Симу. – Так?

– Так, – нервно дернула она плечом, словно эти факты были самыми главными в ее биографии и имеющими отношение к ночному ужасу, который она пережила. Особенно «не замужем».

Она сидела в кабинете следователя в своем выходном платье, длинном, наглухо застегнутом, темно-серого цвета.

– Чего наряжаешься-то? – спросила ее дома Анна Григорьевна, когда Сима собиралась в полицию.

– Ну как же? Ни разу показания не давала. Надо же как-то прилично выглядеть, – ответила Серафима.

– В этом платье тебе лет шестьдесят! – покачала головой Анна Григорьевна.

– А я и не утверждаю, что оно меня молодит! Я говорю, что выгляжу в нем прилично.

– Это да! Этого не отнять! Такая девственница воинствующая, ненавидящая мужчин! Синий чулок или старая дева, что называется, выбирай любое, – согласилась Анна Григорьевна.

– Я не такая, – надулась Сима.

И вот сейчас она сидит на жестком, неудобном стуле, сложив руки на коленях, и смотрит в лицо неприветливому, хмурому человеку. Он ей очень не нравится, она ему, по всей видимости, тоже, но они вынуждены общаться. Такая работа была у него и в такую ситуацию попала она.

– Серафима Игоревна Барская, библиотекарь, – произнес он, скрещивая пальцы.

И тут Сима взорвалась:

– Слушайте! Перестаньте повторять, что я библиотекарша! Это преступление, что ли?

– Нет, – несколько смутился следователь. – Редкая профессия по нынешним временам.

– Меня задержали по этому поводу? Нет? Идет отлов библиотекарей? Нет? Так тогда давайте по существу. Я уже всё рассказала! У меня уже нервы не выдерживают, честное слово!

Следователь участливо заглянул ей в глаза.

– У вас случился нервный стресс, не так ли? Вас увезли в психиатрическую больницу? Серафиме на мгновение показалось, что он улыбнулся.

Она взглянула ему в лицо – нет, он был спокоен и серьезен.

– Показалось, – вздохнула она.

– Что показалось? – уточнил Герман Геннадиевич.

– Что у вас человеческое лицо, вы даже умеете улыбаться, – ответила Сима.

– Я на службе, – отрезал следователь. – После вашего вмешательства теперь больницу закрывать придется и проверять каждого сотрудника, работы на несколько месяцев! Нам к нашим висякам еще не хватало проблем с психиатрической больницей.

– Вы меня в этом упрекаете? А вам лишь бы не работать? Пусть бы и дальше над людьми издевались, ставили эксперименты, грабили, убивали, так, что ли?

– Зачем вы злитесь? Виновные ответят за все свои злодеяния. Но ведь не все врачи и работники больницы замешаны в преступлениях. Многие вообще не в курсе, что происходило. Некоторые знали, но сами непосредственного участия не принимали, но они все равно ответят за сокрытие преступления. Степень вины каждого будет определяться индивидуально и в судебном порядке, – сказал Герман Геннадиевич. – Сегодня надо будет опознать санитаров, которые совершили преступление, когда вы прятались под кушеткой. Официальное опознание необходимо. Я знаю, что вы их не видели, сможете опознать по голосу? Несколько мужчин будут читать один и тот же отрывок из произведения, а вы будете внимательно слушать.

– Конкурс чтецов? – спросила она, ухмыльнувшись.

– Именно.

– А без моих показаний нельзя? Их может опознать Ася – медсестра, она меня и вытащила оттуда, – возмутилась Серафима.

– Что вам не нравится? Вы должны подтвердить ее показания, потому что она тоже замешана в этом деле.

– Я закончила в свое время музыкальную школу и способна опознать человека по голосу.

– Конечно, у нас достаточно показаний и доказательств и без голосового эксперимента, с ним просто лучше. А потом...

Следователь устало потер виски.

– Что, потом? – заволновалась Сима.

– Забыл... Переработал я сегодня, голова кругом идет.

– Тяжелая у вас работёнка, – согласилась она.

– Не то что у вас в библиотеке, – скривился он.

– А чем вам библиотека не угодила? Что вы вообще знаете о работе библиотек?

– У вас пьющий муж? – прервал ее Герман Геннадиевич.

– Что? Почему вы так решили? – покраснела Серафима. – Я вообще не замужем.

– Значит, разведены. А с мужем развелись, потому что бил и пил?

– Почему бил и пил? – не поняла она.

– Мать-одиночка? С парочкой детей, которые треплют нервы? – прищурился следователь. – И денег не хватает? И в школе проблемы, и кормить нечем? И зарплата маленькая...

– Боже, какие фантазии! Какие дети? Нет у меня никаких детей! Что вы ко мне пристали с наиглупейшими вопросами о личной жизни? Это к чему? – недоумевала Серафима.

– И работа у вас не опасная и не нервная.

– Снова о моей работе?! Вы маньяк, что ли? Или мне предписано поменять работу? – покраснела Серафима.

– Я пытаюсь найти причину, которая довела вас до такого расстройства, – наконец-то пояснил Герман Геннадиевич. – Просто за здорово живешь люди не попадают в психиатрическую клинику.

– Вот вы о чем... – смутилась Серафима. – Я, конечно, нормальная... Я сама не знала, что такое могло произойти со мной... И вот начались эти приступы, и апофеозом стала «трясучка», которая и привела к вызову «Скорой». Просто у нас в библиотеке меня временно назначили заведующей и ответственной за всё. И обязали провести полную компьютеризацию. Никаких бумаг, все указания только по электронной почте, картотека обязательно в электронном виде, чтобы можно было заказывать книги через Интернет. Можете поверить, что это обстоятельство явилось для меня жутким стрессом. Я не просто «чайник» в компьютерном деле, я «ржавый чайник». У меня потерялись данные, которые я забила в компьютер с огромным трудом. Это же катастрофа, просто земля ушла из-под ног. Я чуть с ума не сошла... Мне было и больно, и обидно, я думала, что такое издевательство будет продолжаться теперь

всегда. Я стала искать людей, которые помогли бы мне на нелегком поприще компьютеризации родной библиотеки. Оказалось, что нужен очень умный хакер, чтобы вернуть данные. Я ощутила себя еще и ничтожеством, которое не справилось с просьбой начальницы и не оправдало ее надежд, загубило всё дело на корню. А я так не привыкла, я человек ответственный, обещания привыкла выполнять. Я поняла, что надо начинать всё сначала, а ведь никто не даст гарантии, катастрофа вновь не повторится. Но выбора нет.

Следователь смотрел на нее округлившимися глазами.

– Вы это серьезно? Вы свихнулись из-за того, что в библиотеку поставили компьютеры? Вот это да! Сказать кому – не поверят!

– Вас бы на мое место! – огрызнулась она. – У меня маленькая зарплата, меньше, чем у дюймовочки носки. Нет у меня средств и нет желания за свой счет оплачивать компьютерных специалистов.

– А если взять да и отказаться? Работать, как раньше работали? – спросил следователь. – Уж что сделаешь, привычка – дело великое... зачем такие напруги?

– В том-то и дело, что нельзя! А то стала бы я мучиться! Что я, совсем, что ли, куку? Кстати, а мои показания в суде? Там же могут сказать, что со мной не всё в порядке? – поинтересовалась Серафима.

– Могут. Но любой психиатр даст вам справку, что вы вполне вменяемы. Нервное расстройство – это заболевание, оно вполне поправимо. А вот то, что вы были накачаны сильными лекарствами и алкоголем, поэтому могли что-то перепутать, могли возникнуть галлюцинации слуховые... Хорошо, что медсестра подтверждает ваши слова, да еще несколько сотрудников уже дали показания. Кстати, медсестра относится к группе сотрудников, знающих, что у них происходит, но самих в этом участия не принимающих.

– Постойте! Почему это я оказалась «накачанная алкоголем»? Я вообще не пью! – воскликнула Серафима.

– Так медсестра Ася Дмитриевна Чернова вас вывела из медикаментозного забытья при помощи лекарств на спирту. Метод проверенный, человек быстро приходит в сознание, правда, плохо при этом себя чувствует, зато сразу готов общаться, – пояснил следователь.

– Откуда вы знаете? Ах да, медсестра сказала. Теперь я знаю, почему мне было так плохо, – потеряла переносицу Серафима. – Я не выпила ни капли...

– А какой у вас вес? – поинтересовался Герман Геннадиевич.

– Опять странный вопрос! Где-то килограммов под шестьдесят.

– А у парня, которого вы вытащили из больницы, килограммов сто. Как вы его подняли?

– Вам это для протокола нужно? – недовольно посмотрела на него Серафима. – Коктейль на спирту с адреналином, от которого меня трясло. Да еще подстегивала мысль, что если настигнут, то точно убьют. Ребята серьезные, я имела возможность в этом убедиться.

– А зачем вы незнакомого человека спасать стали? Да еще с риском для жизни? Другая бы убежала, в крайнем случае, кого-нибудь на помощь позвала, – не удержался он от вопроса, который Сима сама себе всё время задавала.

– Человеку вскрыли вены. Я понимала, что он умирает... И если бы не Ася Чернова, никто бы не спасся, она меня откачала, а затем помогла человека этого спасти. Она санитаров отвлекла, увела, а то они хотели полюбоваться, как несчастный будет истекать кровью, – заступилась за медсестру Серафима. – Чернова – героиня, двум беззащитным людям жизнь спасла!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.